

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Так и вижу: он стоит у окна и задумчиво смотрит вверх буйно разросшихся кленов на стадион. Там сейчас все замерло. Только снег кружит над хоккейным полем, трибунами, беговыми дорожками. А он знает стадион интим. С ним у него связано немало счастливых минут. Собственно, вся его жизнь связана с ним. А за стадионом — городской парк, затем комбинат. За комбинатом — его завод. Это сегодня он называется «Уралэлектромотор». А тогда он был померным. Правда, не здесь начинался его, Григория Степановича Корсунова, жизненный путь. Ну так что ж... С высоты прожитых семидесяти лет он, Почетный гражданин города, смотрит на снежный туман...

Как молоды мы были, думается ему о себе самом и своем поколении. Это же так свойственно человеку, за плечами которого такая большая жизнь.

— А вы знаете, я на биржу труда ходил, — вдруг неожиданно говорит он своим глуховатым голосом. — Это еще в Туле. Тогда очень трудно было найти работу. Придешь на биржу, дадут тебе тычок (булочку такую, маленькую, кислую) и идешь домой. Но мне повезло. Мой отец был рабочим (он с девяти лет начал работать). Благодаря отцовскому стажу приняли и меня. На Тульский оружейный. Это случилось в 1927 году. Все остальные годы прошли в одном и том же инструментальном цехе.

Да, в Туле Григорий Степанович стал токарем самой высокой квалификации, затем мастером. Там же увлекся велоспортом. Был даже неплохим гонщиком. С той поры токарное дело и спорт стали главным в его жизни. Пожалуй, трудно было определить, что влекло больше. Как бы там ни было, но в трудовой книжке тех времен одна благодарности, премии. Впрочем, все это будет и позже. Только к этому прибавятся еще награды. И очень высокие. Но будет это в другом городе и в другое время.

...Коршунами кружили над городом самолеты со свастикой. Под бомбежкой эвакуировался завод. Вздмалась к небу земля. А они, туляки, стаскивали с привычных мест станки, грузили на платформы. Потом эшелоны шли на Восток. Долго-долго, пока не принял их однажды притихший заснеженный городок. То был декабрь сорок первого. Григорий Степанович хорошо запомнил его по сильным с крепким морозом ветрам.

Лютые были зимы. Снежные. Дома заносило с крышей. Только дым из-под снега вился, когда топили хозяйки печи. В те самые морозы разгружались эшелоны. Это сейчас можно подогнать кран и аккуратно снять грузы. Тогда такой техники не было. Сгружали вручную. Сутками. Несмотря на голод и холод. Дубело от мороза тело. Казалось, еще мгновение — и ты превратишься в кусок льда. Но чей-то голос возвращает тебя к жизни.

— Ну, навались, навались же! Пошла... Пошла!

И ты окованными руками снова хватаешься за промерзшую, словно железную, веревку и та-

щишь, тащишь... Откуда только и брались силы. Зубы выбивают дробь. Тело просит тепла. А ты не чувствуешь даже боли обмороженных ног. Перед твоими глазами черный дым над твоим заводом, где ты учился профессии, горят села, мимо которых везли тебя сюда. Ты рвался на фронт, но тебя отправили в тыл, сказав, что здесь ты нужнее. Конечно, нужнее, думал ты и сам во время короткого перекура, хватая непослушными с мороза губами живительный кипяток из жестяной кружки. Ты начинал понимать смысл происходящего. Еще и еще раз убе-

добрый труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Такая была история. Захваченный воспоминаниями, Григорий Степанович шагает по комнате. Пять-шесть шагов к окну, пять-шесть от окна. Шаги то замедляются, то убыстряются. Они меняют свой ритм, как и мысли.

Время послевоенное, оно тоже нелегким было. Завод осваивал мирную продукцию. Инструментальный цех готовил оснастку для аппаратного производства. Новые люди приходили в цех. Большей частью их направляли в смену Корсунова. Там постигали токар-

— Корсунов чем брал? Он же спортсмен. И тот, кто видел его в игре (он выступал за команду «Уралэлектромотора»), тот уже тянулся к нему. И считал за счастье работать с ним.

— Еще бы! Такой хоккеист в наставниках!

— Ну и технику знал, конечно. Бывало глянет: станок крутится. Подача не та, говорит. Марка стали какая? То-то. Согласно марке должна быть скорость... Острый глаз имел... Туляк! Да и сорок четыре года в одном цехе что-то значат. А когда сам станок к станку — заглядење. Сотки на глазок только так ловит. Выдаст деталь, хоть на ВДНХ отправляй.

В 1966 году Корсунов был награжден орденом Ленина. Как записано в трудовой книжке, за личный вклад в выполнение семилетнего плана. Несколько позднее ему присвоено звание «Почетный гражданин города Медногорска»...

— Вот и жизнь почти прожита. Теперь молодые идут дальше, — говорит Григорий Степанович, присаживаясь к столу. Темные глаза его смотрят пристально, губы растягиваются в добрую улыбку. — Хорошая смена выросла. По стадиону вижу. Я ни одной игры не пропускаю. Вот соревнование зоны Урала по лыжам проходило в «Лесной сказке», туда ездил «болеть»...

Кстати сказать, эта увлеченность спортом передалась обоим сыновьям. Владимир и Валерий известные футболисты. Сейчас Владимир — второй тренер в команде мастеров. Валерий — преподаватель физвоспитания. Играет за сборную города по футболу шестнадцатилетний внук...

Да и сам Григорий Степанович без спорта, равно как и без дела, сидеть не может. Летом часто садится на велосипед и — на природу. То водоем его манит к себе, то Блява-речка, то зовут ягодные и грибовые леса... Более трех тысяч километров наезжает за лето. Не каждому шоферу-любителю удастся пройти такое расстояние. А он проходит.

— Без спорта не могу, — признается Григорий Степанович. — Я и квартиру, когда мне предложили, попросил возле стадиона. Очень удобная квартира. Во время моей молодости таких не строили. И вообще сейчас раз в двадцать стали лучше жить. Помню, когда мы поженились, сколько частных квартир прошли, пока не получили свою. А сейчас? Вон у соседней девчонки только вышла замуж, пожалуйста, — квартира.

Ему никак не сидится у стола. Он снова идет к окну, из которого открывается вид на стадион и дорожка на его завод. По этой дорожке он ездит не так часто, как когда-то. Но ездит. Например, в дни ленинских субботников, на партийные собрания. И когда входит в родной цех, как-то теплее делается в его груди и почему-то туманится в глазах. Вроде бы и цех изменился, не узнать даже, а он по-прежнему видит тот, времен своей молодости...

На снимке: Г. С. Корсунов.

П. ГОРБАНЬ КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ

дался в нем в цехе. Правда, цеха, как такового, не было. Были недостроенные стенки, почти готовая крыша и вдоль стен стояли станки.

Под твоим началом оказались вчерашние ремесленники. Ты подводил их к заиндевелшим от мороза станкам и обучаешь токарному делу. Ведовые были ребята. Но почему-то слезы стоят в твоих глазах и дрожит голос, когда ты вспоминаешь о них. Ты их видишь такими, какими они были тогда? Вихрастые, щупленькие. Многие не успели вырасти и ручки подчас крутили с ящиков. Ящики падали. И привозил откуда-то подставки.

Трудное было время. Но ты помнишь, с какой любовью относились к старшим товарищам, к коммунистам. Таким, как директор завода Константин Руднев, парторг ЦК Алексей Леонов, секретарь комитета ВЛКСМ Сергей Левашов... И тебя приняли в партию тогда, в 1943-м. То было счастливое время твоей молодости. Завод давал продукцию фронту. А рядом в кратчайшие сроки были построены общежития, при них столовые и даже небольшой клуб. В этом клубе то время свело тебя с Машей, ставшей тебе женой.

А завод набирал темпы. И ты сам нередко становился к станку, чтобы выполнить срочный заказ. Потому что так уж повелось: самое срочное, самое сложное брал на себя. Хотя был мастером и имел право за станком не стоять. Имел, но не мог... После войны ты был награжден медалью «За

ное дело. Да разве только токарное?

Люди, хорошо знающие Григория Степановича, рассказывали, что за тридцать лет работы в Медногорске он многих вывел в люди. Поэтому самых бедовых направляли к нему. А потом гремели их имена — правофланговые. Кто сегодня на заводе не знает Показева, Кузьмина, Жильникова, Бочкарева, Меньшикова, Давыдова или Герасимова? И мало кто помнит, как они начинали. Ванюшка Показев пришел в цех таким паренком, что только с подставки доставал до рычагов станка, а энергию имел... До того шустрый был, что за ним одним глаз да глаз нужен.

И что характерно, Корсунов никогда никого не наказывал. Даже выговором не обижал. Хотя кандидаты были. Чем он их брал, непонятно.

Спрашиваю об этом самого Григория Степановича.

— Верно, — отвечает он. — Не наказывал. А чем брал? Как предполагаю сейчас, выдержкой, спокойствием. Потом в выходные дни наезжал к ним домой, смотрел, как кто живет, кому помочь надо. Сам я на заводе никогда ничего не просил, а молодому парню помочь считал своим долгом. Без просьбы. В отпуск кто просится, чувствую: этому надо. Иду к начальнику цеха. Рабочих рук всегда не хватало. Но тот знал уже, зря не приду.

Вспоминаю рассказ двух ветеранов из инструментального.